

ДЕВЯТЫЙ АНГЕЛ

A digital painting of a woman with long, dark, flowing hair. She has orange paint or makeup on her cheeks and is looking upwards with a serene expression. She is wearing a light-colored, off-the-shoulder dress with a ruffled collar. The background is filled with falling autumn leaves in shades of orange, red, and brown, creating a dreamy, ethereal atmosphere. The overall style is soft and painterly.

ТАТЬЯНА КОРСАКОВА

Полночь. Коллекция мистического романа

Татьяна Корсакова

Девятый ангел

«Автор»

2019

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Корсакова Т. В.

Девятый ангел / Т. В. Корсакова — «Автор», 2019 — (Полночь.
Коллекция мистического романа)

ISBN 978-5-04-101478-0

Он появился внезапно и назвался ее дядюшкой, хотя до этого дня Юля и не подозревала о его существовании. Он отвез ее в странный одинокий дом, где протяжно скрипят старые половицы, а из оврага неподалеку доносится сладковато-тревожный запах прелых листьев и слышится чей-то почти неразличимый шепот. Кто же знал, что именно ей отведена роль последнего ангела в жуткой коллекции маньяка, убивающего девушек?..

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-101478-0

© Корсакова Т. В., 2019
© Автор, 2019

Татьяна Корсакова Девятый ангел

В комнате было душно и пыльно. Отчего-то в осиротевших квартирах запустение наступает фатально быстро. Сколько времени прошло? Месяц? Полтора? А квартира уже забыла одну из своих хозяек. Забыла и не хочет вспоминать, душит пылью, негодуяще скрипит половицами, укоризненно смотрит десятками черных глаз с маминых картин. Тех картин, которые никто не хотел покупать, потому что они жуткие. И картины из мастерской перекочевывали в квартиру, добавляли еще больше нуара и без того мрачному интерьеру, следили...

Занавесить бы их все. Как соседка тетя Лида занавесила зеркала после маминой смерти. Или развернуть к стене темными лицами, чтобы не смотрели. Но некогда, Макс торопит, нервно переминается с ноги на ногу на пороге гостиной. Ему картины не нравятся еще больше, чем ей. Он бы их сразу сжег. Юлия знает, чувствует его злость и неуверенность. И понимает. И не осуждает. Почти...

Да и кто она такая, чтобы осуждать? Никчемная девчонка, которая не спасла, не удержала на краю свою маму. Которая слишком поздно вернулась домой, слишком поздно вызвала «Скорую». Которая никому не рассказывала, что творится с ее мамой...

– Малая, ты скоро? – Макс тяжело, с присвистом вздохнул, присел на корточки, хотя мог бы присесть вот на тот антикварный венский стул.

– Почти. – Юлия торопливо, не глядя швыряла в рюкзак одежду и личные вещи.

– Сразу бери все, что нужно. По сто раз я мотаться сюда не стану. – Макс рассматривал ободранные носки своих высоких ботинок, на Юлию вообще не смотрел.

Ну и правильно. Кто она такая, чтобы на нее смотреть? До недавнего времени они даже не были знакомы. Да что там знакомы! Юлия и понятия не имела, что у ее мамы есть младший брат,

а у нее, стало быть, дядя. Маме нужно было умереть от передоза, чтобы Юля познакомилась с Максом...

...Он явился на кладбище – высокий, худой, весь в коже, с черным мотоциклетным шлемом под мышкой. И Юлю из толпы скорбящих и просто любопытствующих выпепил безошибочно, глянул хмуро из-под черных бровей и так же хмуро сказал:

– Привет. Я Макс, твой дядюшка. – На слове «дядюшка» уголки его рта дернулись и взгляд сделался совсем уж неласковым.

Тогда она ему ничего не ответила. Кажется, тогда она даже не поняла, чего хочет от нее этот байкер. Просто кивнула в ответ. Он не стал настаивать, отошел в сторонку, но во время всей церемонии прощания находился поблизости, присматривал, а когда Юля, не удержавшись на ногах, едва не соскользнула в могилу вслед за обтянутым красным сукном гробом, грубо, но решительно поймал за шиворот куртки, потянул на себя.

– Аккуратнее, малая, – буркнул, не глядя ей в глаза. – Не сломай ногу.

С тех пор он так ее и называл – малой. С тех пор во время разговора он не смотрел ей в глаза. Впрочем, сколько их было – разговоров? Юля могла пересчитать их по пальцам одной руки.

Первый вот этот, который на кладбище. Второй, самый длинный, самый содержательный, на поминках. Макс присел к ней за стол. Куртку свою он не снял, а лишь расстегнул, шлем положил на пустующий стул.

– Слушай сюда, малая. – Он повертел в руке рюмку с водкой и поставил на стол нетронутой. – У тебя никого нет. Я знаю, наводил справки.

У нее и в самом деле никого не было, кроме мамы, но даже с мамой она была бесконечно одинока. Так уж вышло, что маму интересовали только ее картины. И наркотики. Так уж получилось...

– И выбор у тебя теперь невелик.

Про выбор она еще не думала. Боялась думать.

– Тебе почти семнадцать, но ты все еще несовершеннолетняя. Понимаешь, малая?

Она понимала, даже кивнула в ответ.

– Детский дом. – Дядюшка Макс рассматривал свои руки. Узкие кисти, тонкие музыкальные пальцы, но все в занозах и мелких ожогах.

Она не хотела в детский дом. Сказать по правде, и жить она тоже не хотела. Или просто не знала как?

– А я ее брат. – Он так и не назвал маму по имени. – Родной брат. Если не веришь, покажу документы.

Она верила. Они были похожи. Ее мертвая мама и живой дядюшка Макс. Сколько ему? На вид тридцать – тридцать пять.

– И у меня к тебе предложение. Ты слышишь меня, малая?

Она слышала, но не хотела слышать.

– В детском доме такой, как ты, делать нечего. – Макс взъерошил густые, давно не мытые волосы. – Сказать по правде, в моем доме тебе тоже нечего делать, но раз уж так вышло...

– Мне не нужна благотворительность. – Кажется, она заговорила первый раз за весь этот долгий и страшный день.

– Никто не говорит о благотворительности. – Макс пожал плечами. – Я говорю о сделке. Ты ведь уже достаточно взрослая, чтобы заключать сделки? – И посмотрел. Очень внимательно посмотрел. У него были пронзительные глаза: ярко-синие, в обрамлении длинных ресниц. Он был бы красив, если бы не эта усмешка. Тридцатилетние парни не должны улыбаться, как столетние старики.

– Что тебе нужно, дядюшка Макс? – спросила и одним махом опорожнила ту самую рюмку водки. Внутри сразу стало горячо и больно. Может быть, ей повезет и эта боль хоть на время заглушит ту, другую. – Квартира?

– У меня есть. И можешь звать меня просто Максом. – На опустевшую рюмку он посмотрел равнодушно. – Мне нужна ты. Год твоей жизни в обмен на опеку. Заметь, нормальной человеческой жизни. Я не стану тебя контролировать, об этом не беспокойся. Я буду твоим опекуном лишь формально. Зацени перспективы, малая.

Она заценила. Бесконтрольная жизнь всяко лучше жизни в детдоме.

– Покажи документы.

Макс снова усмехнулся, выложил на стол паспорт и пачку фотографий.

– Вот. Твоя мать не меняла фамилию. А это мы в детстве.

В детстве они были красивые и счастливые. Даже не верится, что у мамы вообще было детство. Юле казалось, что у мамы всегда были лишь ее страшные картины, которые никто никогда не покупал.

– Год жизни со мной, а после совершеннолетия ты можешь валить на все четыре стороны.

– Ты извращенец? – Захотелось напиться. Так, чтобы до поросычьего визга, чтобы все-все забыть. Вот и бутылка с водкой. Никогда раньше она не пила водку, но нужно же когда-то начинать.

– Я твой дядя. – В его голосе слышались злость и обида. Этот точно не извращенец, слишком ранимый. Слишком ранимый и слишком красивый. Такой же красивый, как мама. Была... – Уясни это, малая. Я дядя, ты племянница. Не скажу, что любимая, но тут уж как есть. Уяснила?

– Уяснила. – Вторая рюмка уже не обожгла, а лишь согрела. И спать захотелось. Наверное, оттого, что Юля не спала уже почти двое суток.

Она и уснула, прямо там, за поминальным столом. А проснулась в своей квартире, на своей кровати. С чудовищным чувством вины и головной болью. В ванную она шла по стеночке, а когда дошла, увидела Макса. Он сидел за столом на кухне, перед ним дымилась чашка кофе. Мамина любимая чашка...

– Очухалась? – спросил он вместо приветствия.

– Это мамина чашка.

Макс пожал плечами, встал из-за стола, достал из шкафчика другую чашку, перелил в нее кофе.

– Так лучше?

Лучше не стало. Стало только хуже. И даже горячий душ не принес облегчения. И даже чашка свежесваренного кофе, которую Макс сунул ей в руки.

– Наш договор в силе? – спросил он скучным голосом.

Не было никакого договора, но что она теряет? Что держит ее в этом огромном городе?

– В силе.

– Хорошо. – Он встал из-за стола. – Мне потребуется месяц, чтобы оформить все документы. Через месяц я тебя заберу. Я забил свой номер в твой телефон. Если что-то потребуется, звони. Если что-то по-настоящему важное.

Сказал и вышел из квартиры. Словно и не было никакого дядюшки Макса... Тогда Юля испугалась почти так же сильно, как после смерти мамы. Подумалось, что он тоже больше никогда не вернется – этот чужой, но родной по крови человек. Он не вернется, а она останется совсем одна. Теперь уже навсегда.

Но Макс вернулся, как и обещал – через месяц. Выложил перед Юлей кипу документов, сказал:

– Я все сделал, малая, собирайся!

А сам остался сидеть на корточках на пороге.

* * *

Юля собралась быстро. Оказывается, она ничего не нажила за свои почти семнадцать лет. Оказывается, ей нечего забирать, кроме одежды, книг и ноутбука. Ну, так уж вышло.

Макс ездил на огромном черном байке, таком же мрачном и таком же обшарпанном, как и вся его экипировка.

– Надень вот это! – Он протянул Юле шлем. Не свой – другой, явно рассчитанный на женскую голову. Ей даже показалось, что шлем пахнет духами. Чем-то тонким, нежным, едва уловимым. – Держись крепко. И да, ехать нам долго, поэтому приготовься. Понадобится остановка, похлопай меня по плечу.

Они и в самом деле ехали долго, наверное, часов пять. Или вернее сказать, не ехали, а летели? Но Юля не боялась. Ее никогда не пугала скорость. Вот глубина и темнота пугали, а скорость – нет. Макс сбросил скорость лишь на подступах к городу. Да не городу, а маленькому сонному городишку, который сначала сошел бы за большую деревню, но постепенно преобразился, выдвинул на передовую уже не вросшие в землю деревянные халупы, а аккуратные двухэтажные домики из красного кирпича. Это была старая типовая застройка с палисадниками, с великими и детскими колясками на подъездных дорожках. Подумалось вдруг, что вот в таком домике, утопающем в кустах сирени и жасмина, у нее бы, наверное, получилось начать жить заново. Но байк Макса промчался мимо. Он черной стрелой пересек городскую площадь с комплексом трех- и двухэтажных административных зданий и снова ворвался в сонную тишину пригорода. Сначала пригорода, а потом, кажется, и загорода. Здесь деревянные домики больше не лепились друг к другу, как ласточкины гнезда, здесь появился простор и размах. А еще поросшие лесом холмы и овраги. Красиво. Если бы Юля умела писать картины, она бы писала пейзажи. Вот прямо тут и писала бы...

Этот дом был самым крайним. И не поймешь, находится ли он все еще на окраине городского парка или вокруг уже настоящий лес. Этот дом был старым. Новой в нем казалась лишь черепичная крыша. А все остальное... Все остальное следовало изучить повнимательнее.

– Приехали.

Макс заглушил мотор, пока Юля возилась со своим рюкзаком, распахнул скрипучую калитку, закатил мотоцикл во двор.

Наверное, когда-то очень давно это место можно было считать двором, а сейчас оно поросло бурьяном высотой в Юлин рост, в зарослях которого была протоптана или вырублена мачете тропинка к покосившемуся, обшарпанному крыльцу. На крыльцо Макс ступил без страха, сунул ключ в замочную скважину дубовой двери. Дверь тоже была старой, но прослужить могла еще не один десяток лет. А вот окна, затянутые паутиной, давно не мытые, в растрескавшихся деревянных рамах, заменить стоило бы еще в прошлом веке. Окна заменить, дом снести... Этот дом, родовое гнездо, казался умершим много лет назад. Не дом, а труп, который бросили догнивать на краю оврага, а он все никак не мог разложиться, все никак не исчезнет с лица земли.

Откуда взялось это ощущение, Юля не знала. Наверное, из-за усталости. А еще из-за обманутых ожиданий. Что ни говори, а домик из красного кирпича казался ей куда предпочтительнее. Даже собственная квартира представлялась ей теперь не такой мрачной.

– Всего год. – Макс толкнул дверь, и та со скрипом распахнулась. – Всего год, и ты свободна, как ветер!

– Это твой дом? – спросила она в его обтянутую кожей курткой спину. И спина эта вдруг замерла, напряглась.

– Это наш дом, – ответил он, но не сразу, а после недолгой паузы. – Входи!

Внутри пахло пылью и сухими травами. Как на сеновале. Юля никогда не бывала на сеновале, но отчего-то была уверена, что пахнет там именно так. Внутри если кто-то и убирался, то уборка эта являлась лишь формальной. Здесь были точно такие же протоптанные в пыли тропинки. Одна на кухню, вторая в гостиную, третья, надо думать, в туалет и кладовую, четвертая к лестнице на второй этаж.

– Твоя комната наверху. – Макс снял куртку, повесил ее на вешалку из оленьих рогов, добавил: – Извини за беспорядок, не успел прибраться.

Не успел прибраться и не успел сделать ремонт. Даже минимальный, косметический. Успел лишь заключить эту странную сделку. Но дороги назад все равно уже нет, есть дорога вперед, вот к этой дубовой лестнице.

На втором этаже оказалось три двери. Юля обернулась.

– Которая моя?

– Выбирай. – Макс пожал плечами. Ее уже начинала раздражать эта его манера.

– Тогда эта. – Юля, не глядя, толкнула левую дверь.

Комната была просторной и светлой. Свет лился через большое окно, которое тоже требовалось обязательно помыть. Сейчас окно было распахнуто настежь, и в комнате вкусно пахло лесом. Обстановка была скромной, почти спартанской: кровать, прикроватная тумбочка, шкаф, письменный стол и два стула. На полу – коврик, некогда яркий, а теперь выцветший, с едва различимым рисунком.

– Мебель можно поменять. – Макс стоял, привалившись плечом к дверному косяку. В эту комнату он тоже не хотел заходить. Так же, как и в Юлину городскую. – Постельное белье и прочую дребедень я купил. Все в кладовке на первом этаже. Продукты в холодильнике на кухне. Я не знаю, что ты любишь, поэтому накопил всего разного. Газ в доме из газового баллона, я покажу тебе, как им пользоваться.

– Ванна и туалет? – С запоздалым отчаянием вдруг подумалось, что и удобства могут запросто оказаться на дворе, где-нибудь за сараем или за кустами лопухов.

– На первом этаже. В техническом помещении есть бойлер. Я покажу...

– ...как им пользоваться. Я поняла.

– Это хорошо, что ты такая понятливая. – Он не улыбался, он смотрел на нее, не мигая. И во взгляде синих глаз Юле чудилась решимость пополам с жалостью. На что он решился? Кого жалеет? – Тогда я пошел. Ключ – на гвоздике в прихожей. На ночь дверь лучше запереть, места тут глухие. И одна по оврагам не гуляй. Завтра приеду, проведу для тебя экскурсию.

– Подожди! – Она схватила Макса за руку. – Что значит «я пошел»?! Куда ты пошел?

– У меня дела. – Он уже не смотрел на нее, он рассеянно рассматривал ее новую комнату. – Я же обещал тебе полную самостоятельность и автономность. Теперь это твой дом. Хочешь – на год, а хочешь – навсегда. Я оформлю дарственную.

– Мне не нужен этот дом!

– Сожалею, но другого у меня для тебя нет. – Макс медленно, один за другим, разжал ее пальцы. – Но у тебя по-прежнему остается выбор. Детский дом. А если решишь остаться, я сделаю все, что должен сделать опекун. Еда, одежда, деньги на карманные расходы. Кстати, о деньгах... – Он порылся в кармане штанов, сунул в Юлину руку несколько тысячных купюр. – Вот. Не трать все сразу. Это тебе на первое время.

– А школа? В этом медвежьем углу вообще есть школа? Или ты не в курсе, что мне нужно еще год учиться?

– Школа есть, и очень даже неплохая. Здесь неподалеку закрытый НИИ, под нужды его сотрудников в восьмидесятых выстроили целую улицу. И инфраструктуру выстроили тоже. К тому же места здесь красивые, народ из области покупает участки под застройку на берегу водохранилища. Я тебе как-нибудь покажу наше водохранилище.

– Если я решу остаться.

– Если ты решишь остаться. А пока у тебя есть номер моего мобильного. Я всегда на связи. Будут какие-то проблемы, звони.

Он не стал дожидаться ни ответа, ни возражений, ни возмущений, он сбежал по лестнице и хлопнул дверью. Вот так-то...

Юля в сердцах швырнула рюкзак на кровать, вышла из комнаты. Ее новая самостоятельная жизнь начиналась как-то странно. Пожалуй, она была слишком... самостоятельная. Но попробовать освоиться в новых реалиях все-таки стоило. А сначала хорошо бы поесть.

Макс не обманул. Огромный холодильник и в самом деле был забит продуктами и полуфабрикатами под завязку. А с газовым баллоном Юля разобралась сама. На кухне, такой же просторной и светлой, как и спальня, царил идеальный порядок. Чувствовалось, что ремонт тут сделали совсем недавно. Как и в туалете и ванной комнате. В гостиной, одна из стен которой была полностью занята под стеллаж с книгами, стоило бы прибраться и вытереть пыль. Но это чуть позже, сначала нужно поесть и составить план действий. Перекусила Юля за столом на кухне, а с чашкой кофе, той самой, маминой любимой, вышла на крыльцо, уселась на ступеньки, с тоской осмотрела территорию. С лопухами и прочей растительностью нужно было что-то делать. Возникла шальная мысль позвонить Максу и потребовать газонокосилку, но Юля от нее отказалась. Не сегодня. На сегодня у нее и так полно дел. И начать их нужно с обхода владений, вот с этого не пойми откуда взявшегося родового гнезда. И с разведки. Возможно, родовое гнездо стоит не на самом отшибе, как ей показалось, возможно, цивилизация где-то поблизости. Должна быть поблизости!

Она заперла на замок дом, включила в телефоне GPS-навигатор, сунула в карман джинсов ключи и часть оставленных дядюшкой денег, пошагала по узкой, но явно торной дороге прочь от родового гнезда, туда, где, по ее мнению, должен был находиться город...

Родовое гнездо и в самом деле находилось на отшибе, но уже метров через пятьсот-шестьсот Юля увидела еще один дом, потом другой. Вот эти дома с кондиционерами и спутниковыми тарелками были похожи на нормальные человеческие жилища. Вот они внушали надежду, что Макс не бросил ее одну-одинешеньку на краю света. И город, если верить навигатору, был близко, просто ехали они кружным путем, минуя овраги. А вот если напрямик по вот этой тропинке, то получится и быстрее, и удобнее.

В овраге было красиво и прохладно. Яркий свет послеполуденного солнца почти не добирался до его дна. И казалось, что там, внизу, какая-то другая, совершенно особенная жизнь. Ну, вроде подводной, которой не нужны ни яркие краски, ни громкие звуки. Даже запахи здесь оказались другими, приглушенными.

Вдруг захотелось вернуться, вынырнуть с овражного дна на поверхность. К черту короткий путь, когда есть кружной! Но возвращаться нужно было в гору, обратно по тропинке, а навигатор обещал скорый выход с другой стороны. Осталось совсем ничего. И вообще, она никогда не была трусихой. Черноглазые мамыны портреты научили ее храбрости. Значит, вперед, вон в тот тоннель из зарослей орешника!

Юля старалась не бежать, но в мрачной тишине под плотными зелеными сводами не выдержала, ускорила шаг. Теперь она думала лишь о том, что скоро, очень скоро увидит свет в конце тоннеля, и все закончится.

Закончилось. Даже быстрее, чем думалось. Тропинка вынырнула из тоннеля и зазмеилась по широкой нерукотворной террасе, которую крепко-накрепко удерживали от осыпания корни вековых деревьев. И сами деревья казались надежными и незыблемыми. А экран мобильного подмигивал ободряюще – скоро, уже очень скоро!

И тут Юля оплошала. Или будет вернее сказать – оступилась? Оступилась на прелой прошлогодней листве и заскользила вниз, теперь уже на самое дно оврага. Она пыталась тормозить ногами и цепляться руками за корни, но получалось плохо. Словно бы кто-то набросил на нее невидимое лассо и тащил, тащил.

Падение смягчили листья. Много, очень много пахнущих сыростью и прелью листьев. Наверное, они скапливались здесь годами, если не десятилетиями, ждали своего звездного часа.

Дождались! Вот она – Юлия Чернова, путешественница, естествоиспытательница, дура семнадцати годков... Вот она с воплями и стонами барахтается в бездонной трясине из листьев, и трясина эта затягивает ее все глубже и глубже.

Стало страшно. Теперь уже на самом деле страшно, потому что Юля не чувствовала ногами дна, но зато чувствовала что-то другое. Прикосновения... словно десятки невидимых рук хватали ее за одежду. И шепот... Скорее всего, не шепот, а шорох листьев. А если вдруг шепот?..

Чтобы не чувствовать и не слышать, она заорала во весь голос. Заорала и заметалась в болоте из гнилых листьев. А потом рука нащупала корень. Или ветку. Плевать! Главное, что нащупала и уцепилась. Главное, что получилось выбраться и упереться ногами в земную твердь.

Юля упала спиной на ковер из листьев, не выпуская из руки корень или ветку. Просто так, на всякий случай. Дышать получалось с трудом, как будто горло и легкие были забиты прелой листвой. Зато небо высоко-высоко вверху казалось пронзительно-синим. Таким же синим, как глаза Макса. Все-таки Макс козел, мог бы предупредить, какие коварные здесь овраги.

Ничего-ничего! Она справилась сама! Вот сейчас отлежится, отдышится и точно справится. Если есть спуск, значит, должен быть и подъем. Она выберется на поверхность! Пусть ползком, пусть на карачках, цепляясь за корни и ветки... Корни и ветки, на них одних теперь у нее надежда. Получилось однажды, получится и впредь.

Поворачивать голову было больно, наверное, Юля ушиблась, когда летела вниз по склону оврага. И рукав худи порван, а из прорехи сочится кровь, марают красным и светлую ткань, и бурые листья, и обтянутую пергаментно-тонкой кожей руку. Не ее руку, а чужую...

Не корень... И не ветка... Рука...

Узкая ладошка, тонкие пальцы, розовый лак на обломанных ногтях, кожаные фенечки на запястье...

Захотелось закричать, забиться в истерику, но не получилось. Единственное, что у нее получилось, – это разжать онемевшие, окаменевшие пальцы, отпустить эту мертвую руку, самой отползти как можно дальше от беспокойного, вспучивающегося то горбами, то пузырями болота из листьев, зажать уши руками, чтобы не слышать шепот...

Как она выбиралась из оврага? Юля не помнила. Помнила лишь, как лихорадочно шарила в кармане худи в поисках телефона и наушников. Ей повезло – нашла. Нашла, сунула наушники в уши, врубила плеер на максимум... А потом ползла вверх, к пронзительно-синему небу. Ползла, цеплялась за корни и боялась, что корни вцепятся в нее. Потому что в этом мрачном лесу все было не таким, каким казалось на первый взгляд.

Казалось... Маме тоже много чего казалось. Еще до того, как она начала рисовать свои страшные черноглазые картины. А потом маме выставили диагноз «шизофрения»... Нет, на самом деле он был куда длиннее и куда запутаннее, но Юля запомнила только вот это слово, которое почти сразу же стало ассоциироваться у нее со словом «приговор». Приговор для мамы. Приговор для нее самой, потому что дурную наследственность никогда нельзя сбрасывать со счетов. Особенно если ты сначала проваливаешься в трясину из листьев, а потом тебя вытаскивает из нее мертвая девочка. Или не вытаскивает, а, наоборот, пытается утащить на дно?..

Не думать! Не думать и не вспоминать! Пока у нее есть одна-единственная задача – выбраться из оврага, выйти к людям. Обыкновенным живым людям.

Юля сорвалась в самый последний момент, когда была уже почти у цели. И упала бы, если бы кто-то не схватил ее сначала за шиворот, а потом и за руку. Схватил и потащил. Только не вниз, а вверх. Но она все равно закричала. Она орала, перекрикивая «Stone Sour» в своих наушниках, стараясь заглушить обнявший ее за плечи ужас.

А ужас продолжал обнимать. Сначала осторожно, потом все крепче. А потом и вовсе встряхнул с такой силой, что клацнули зубы, а наушники вылетели из ушей.

И сразу стало тихо-тихо, до звона. И темно, потому что Юля закрыла глаза. Все, в домике никого нет... Идите все лесом...

– ...Ты чего орешь? – Ее по-прежнему трясло, как тряпичную куклу. – Глаза открой! Слышишь меня, горластая?

Открыла. Не хотела, но темнота – это тоже страшно. Темноты она боялась с детства.

Он был высокий, на голову выше ее. И держал крепко, и хмурил черные брови, почти такие же черные, как у Макса. Глаза у него тоже были черные, цыганские. А волосы каштановые, коротко стриженные, на загорелом лбу поблескивали капельки пота.

– Ну, успокоилась? – спросил он сердито.

Не успокоилась, но живой человек, пусть даже такой сердитый, всегда лучше мертвой девочки. Или нескольких мертвых девочек... Или галлюцинации... У мамы случались галлюцинации. Пришел и ее час?

– Все нормально. – Она смотрела на него снизу вверх, а хотелось уткнуться носом в вырез его черной футболки и затаиться. Вдруг получится переждать и приступ пройдет?

Приступ пройдет, а этот высокий, черноволосый, которому место не на задворках жизни, а где-нибудь в пафосном ночном клубе, покрутит пальцем у виска, скажет, что она чокнутая, и тоже пройдет мимо.

– Ты свалилась в овраг? – Он ощупывал ее совершенно бесцеремонно. Ну и пусть! Зато у него теплые руки. – Ничего себе не сломала?

– Нет.

– А кровь откуда? Покажи-ка.

А сейчас он тянул с нее порванную окровавленную худи, сначала тянул, потом осматривал то, что худи прикрывало. Осматривал и хмурился. Что ему так не понравилось? Ее раны или она сама? Юля бы поставила на второе. Она редко нравилась людям, считай, почти никогда не нравилась. Потому что у нее была дурная наследственность и отягощенный анамнез. Так однажды сказала соседка Любаша. Любаша работала медсестрой в поликлинике и знала толк в анамнезах.

Ну и пусть! Не о том сейчас нужно думать! Юля вырвалась, подбежала к краю оврага, вытянула шею, всматриваясь вниз.

– Куда?! – Он снова схватил ее. Сначала за ворот майки, потом за руку. Ворот затрещал и пополз, а руке просто стало больно. А будет еще больнее, когда она скажет ему, что видела на дне.

– Там мертвая девочка. – Она старалась, чтобы голос звучал ровно, чтобы ничто не выдавало ее отягощенный анамнез.

– Где? В овраге? – Пока еще он смотрел на нее как на нормальную. Пока...

– Да, в овраге. Возможно, она там не одна... мертвая.

– То есть там несколько мертвых девочек? – А вот сейчас он усмехнется с жалостью. Это в лучшем случае. А в худшем обзовет ее чокнутой.

– Да. В куче листьев. – Хотелось добавить, что на самом деле это никакая не куча, а настоящая трясина, но Юля не стала. Постепенно, капля за каплей, к ней возвращалось здравомыслие.

– Я ничего не вижу. – Теперь уже он стоял на краю и тянул шею.

– Я сейчас тоже ничего не вижу. – Не видит и не слышит. А это уже счастье. – Только не спускайся туда, это опасно. – Она должна предупредить. Если придется, даже про трясину из листьев рассказать. И плевать на анамнез!

Он посмотрел на нее с сомнением, а потом принялся рыться в рюкзаке.

– Не бойся, – сказал, доставая из рюкзака моток веревки. Крепкой такой веревки, по типу альпинистской. – Я не свалюсь.

С веревкой он управился быстро, обмотал ее вокруг дерева, проверил крепление.

– Жди здесь, – сказал и соскользнул вниз.

Он соскользнул, а она осталась ждать. Ждала долго, наверное около получаса. Вот сейчас он выберется из оврага и скажет, что она идиотка...

Выбрался. Молча выбрался, молча сел рядом, снова принялся шарить в рюкзаке, потом спросил:

– Как тебя зовут?

– Юля. Меня зовут Юля.

– Я Павел. – Он шумно выдохнул, словно бы тоже наглотался прелой листвы и не мог полноценно дышать.

– Что там? – решила она наконец.

Он долго молчал, а перед тем как ответить, зачем-то убрал с ее лица прядь волос, бережно, как когда-то в детстве мама, заправил за ухо.

– Ты только не бойся, – сказал очень тихо и очень серьезно. – Там действительно... тела.

– Тела?.. – Вдруг стало холодно, так холодно, что заклацали зубы. И Павел вытащил из своего бездонного рюкзака олимпийку, набросил ей на плечи. – Сколько?

– Я не считал. – Он не смотрел в ее сторону, он набирал номер в своем мобильнике...

* * *

Носиться на велике по склонам здешних оврагов было опасно, но интересно. Куда интереснее, чем по городу. Обычно Павел надевал наушники и врубал в телефоне музыку, но сегодня не врубил. Забыл. Оттого, наверное, и услышал этот отчаянный крик. А ведь мог промчаться мимо, остаться в стороне. Но он успел в самый последний момент подхватить ту, что выбиралась из оврага. Подхватить и оттянуть подальше от края.

Она была мелкая. Не в смысле возраста, а в смысле роста и телосложения. Бледнолицая, перепачканная в грязи и крови, в порванной одежде, с крепко-крепко зажмуренными глазами и наушниками в ушах. Наушники пришлось выдернуть, а девчонку встряхнуть, чтобы пришла

в себя. Сначала встряхнул, а потом запоздало подумал, что зря. У нее могут быть раны или переломы.

Переломов не оказалось. Он, конечно, не великий спец, но ведь стоит она на своих ногах, и руками машет вполне активно, и глазами хлопает. А глаза красивые – синие, с темным ободком, словно офотошопленные. Глаза красивые, а взгляд такой, словно там, на дне оврага, она увидела привидение.

Вот только не привидение...

Почему он ей поверил? Павел и сам не знал. Захотелось приключений? Может, и захотелось. Да и не верил он! До тех пор не верил, пока не спустился в овраг, пока не увидел сначала руку, а потом истерзанную спину с крыльями...

В тот момент он тоже почти поверил в привидения. Или в ангелов. Мертвых ангелов. Вот только эта лежащая лицом вниз девушка не была ангелом, и крылья ее оказались ненастоящими. Проволока... Тонкая, почти изящная работа. И налипшие на нее листья, словно перья...

Убраться бы отсюда как можно быстрее! Потому что тут, на дне мира, дышать вдруг стало тяжело, словно воздух здесь был разреженный, как в горах. Но Павел не убрался. Он, идиот такой, ткнул подобранной веткой в ворох прелой листвы. И ветка за что-то зацепилась. Он потянул и вытянул... Еще одно проволочное крыло. Уже не такое блестящее, тронутое ржавчиной, но все равно красивое. Было бы красивым, если бы он не знал, к чему оно крепится.

А ноги вдруг потеряли опору и заскользили вниз, прямо туда, к мертвым ангелам. И если бы не страховочная веревка, он бы, наверное, запаниковал, как та синеглазая девчонка, что осталась ждать наверху. Ему тоже нужно наверх, потому что в легких совсем не осталось воздуха.

Полицию они ждали полчаса. Сидели, прижавшись друг к другу плечами, слушали музыку, каждый в своих наушниках. Разговаривать не получалось, все разговоры неминуемо свелись бы к тому, что они нашли на дне оврага.

Сначала им не поверили, но проверить все равно решили. В овраг спустилось сразу несколько человек. Спустились и увидели всё собственными глазами. А дальше все резко ускорилося. Их с Юлькой допрашивали сначала вместе, потом по отдельности. Потом в овраге появилось еще больше людей в форме: полицейские, спасатели, криминалисты. Их было так много, что широкая терраса неожиданно показалась узкой, как горная тропа. И про них с Юлькой все словно бы забыли, не до них стало.

Начало смеркаться, и на дне оврага зажглись мощные переносные фонари. Сюда, в овраг, уже стекались любопытные. Слухи и сплетни в маленьком городке разлетаются быстро. Слухи разлетаются, любопытные слетаются. Один вон рвется. Дикий какой-то, расхристанный, в байкерской экипировке. А Юлька вдруг сжалась, попыталась спрятаться Павлу за спину.

– Кто это? – спросил он вполголоса.

– Это Макс. Мой... дядюшка.

На доброго дядюшку байкер ну никак не походил. Да и рвался он не к любимой племяннице, а к краю оврага. Отшвырнул сначала одного полицейского, потом другого, ломанулся вниз. Без всякой страховки ломанулся.

Испуганно вскрикнула Юлька, прижалась лбом к Пашиному плечу, затаилась. А он таиться не стал, шагнул к краю террасы. Сейчас, когда остальным не до них, можно и рискнуть. Да и что это за риск?

Со дна оврага доносились крики и ругань. Кто-то матерился, кто-то вызывал кого-то по рации, а кто-то кричал. Это был такой отчаянный крик, от которого закладывало уши и останавливалось сердце. Кричал тот самый байкер, дядюшка Макс. И как-то сразу стало понятно, что среди мертвых ангелов с проволочными крыльями он нашел своего...

Он нашел, а девчонка с синими глазами еще только готовилась найти...

Павел успел в самый последний момент ухватить ее за руку, оттащить от обрыва. Она бы шагнула в пустоту вслед за этим своим байкером. Павел тащил, а она вырывалась, остервенело и отчаянно, но молча, ни звука не проронила. И сила в ней была неожиданная для такой тщедушной комплекции. И глаза... больше не синие, почти черные из-за огромных, на всю радужку, зрачков. А в зрачках этих всего на мгновение Павлу почудились крылья, провололочные крылья с листьями вместо перьев.

– Эй! – Сейчас он испугался едва ли не сильнее, чем тогда на дне оврага. – Эй, в себя приди, ненормальная! Куда ты смотришь? На меня смотри!

Не смотрела, бормотала что-то себе под нос, вырывалась. Пришлось ударить. Легонько, по щеке. Ну не знал он, как еще можно остановить эту тихую, а оттого особенно пугающую истерику!

Наверное, у него получилось, потому что она перестала вырываться и взгляд ее сделался осмысленным. Ну, почти...

– Семеро, – сказала она шепотом и всхлипнула.

– Что – семеро? – Заговорила – уже хорошо. Понять бы еще, о чем она.

Вот только до разъяснений девчонка не снизошла, молча высвободилась из его совсем не дружеских объятий. Из объятий высвободилась, но за руку он ее все равно взял очень крепко.

– Давай без глупостей. – Он злился. Злиться было проще всего. Гораздо проще, чем слышать этот вот животный почти крик.

– Эй, молодежь, у вас все в порядке? – К ним подошел человек в штатском, но с военной выправкой, внимательно посмотрел сначала на Павла, потом на Юльку.

– В порядке. – Юлька снова затаилась. Ну и хорошо. – Что это с ним? – Павел кивнул в сторону оврага.

– Невеста у него пропала полгода назад. – Человек в штатском закурил. – Полгода назад пропала, а сейчас вот, похоже, нашлась... – Он глубоко затянулся, а потом сказал с досадой: – Как же мы такое пропустили-то, а?

В кармане его пиджака запиликал мобильный, и мужчина отошел в сторону, не выпуская из зубов сигарету, принялся что-то тихо и зло говорить в трубку. Павел расслышал не все, но многое.

– ...Пока семь тел. Да что я тебе, Миша, сейчас без детального осмотра могу сказать про временные рамки? Широкие временные рамки! Широчайшие! Останки есть уже скелетированные... Серийник... Да, в нашем тихом омуте... Все, не могу говорить, перезвоню!

– Откуда ты знала? – Павел дернул застывшую Юльку за руку. – Про семь тел.

– Я не знала. – Она глянула на него с удивлением. Искренним таким удивлением.

– А про невесту дядюшкину знала?

– Я и про дядюшку-то узнала только месяц назад. – Она высвободила свою руку. – Представляешь?

Он не представлял. Собственного дядюшку, Павла-старшего, он знал с рождения. Знал, навещал, иногда, вот как сейчас, останавливался погостить на пару недель. У Павла-старшего был свой бизнес – турбаза на берегу водохранилища. На турбазу из года в год приезжали только завсегдатаи: любители рыбалки, охоты и турпоходов. Уже и не клиенты даже, а почти друзья. Вот и Павел приехал, проветрить мозги после успешного, но тяжелого поступления в институт. Проветрил...

– ...Да там яма внизу оказалась три на три метра. – А это уже спасатели. Тоже курят, тоже нервничают. – Деревья, вишь, какие? Листвы полно! Слоеный пирог... Листики... девочки... листики... Если бы та малая в овраг не свалилась, и не нашли бы никогда. Кто ж думал, что там такое?..

Малая – это Юлька. Ведь и в самом деле малая. Сколько ей? Лет пятнадцать-шестнадцать?

– ...А парнишу того пришлось силой урезонивать. И как только узнал?

Сейчас они про Макса, Юлькиного дядюшку. Урезонили. Прекратились крики.

– Жалко парня. У меня это все до сих пор перед глазами... Крылья... не влезали в мешки крылья... Как они их будут транспортировать – девочек этих несчастных?... Ох, и ночь выдастся...

Девочек транспортировать. Одну девочку точно нужно транспортировать отсюда как можно быстрее и как можно дальше. Пока она умом не тронулась.

– Пойдем. – Павел потянул Юльку к своему велику.

– Куда?

– Отсюда пойдем. Провожу тебя до дома.

Она не стала упираться, молча побрела следом сначала по террасе, потом сквозь темный тоннель из кустов лещины. Из оврага они выбрались уже в темноте.

– Где твой дом?

– Там. – Она неопределенно махнула рукой. Ну, хотя бы направление указала.

Указать-то указала, вот только вела его куда-то не туда. Они пересекли улицу, которую лет пять назад облюбовали дачники из области, миновали дом Павла-старшего. Окна его были темны, значит, дядя уже уехал на базу. Летом он предпочитал жить на базе, а его городской дом был в полном распоряжении Павла. Такой у них был секрет. Если бы мама Павла-младшего и соответственно сестра Павла-старшего узнала, что ее единственный, уже почти совершенно-летний, но все равно нуждающийся в постоянном присмотре сын ночует один, не сносить бы им обоим головы. Но мама не знала, а они не рассказывали. Обычная мужская солидарность.

– Куда дальше? – Подумалось, что Юлька из-за пережитого стресса заблудилась и сейчас им придется идти в обратную сторону.

– Туда. – Она снова махнула рукой.

– Там никто не живет.

– Там я живу.

Он не стал спорить. Ладно, ему не сложно прогуляться, пусть она своими собственными глазами убедится, что жилых домов дальше нет...

– Вот. – Она остановилась возле покосившейся железной калитки, принялась возиться в рюкзаке.

– Что – вот? – Этот дом знали все в городе. Дом с историей. Дом с дурной репутацией.

Павел не верил в репутацию и в сплетни, верил он своим собственным глазам: много лет этот старый дом стоял заброшенный, с заколоченными окнами. И местные старались обходить его стороной. Местные старались обходить, а Юлька собиралась в нем жить.

– Вот здесь я живу. – Она достала ключи, отперла калитку. Та противно заскрипела.

– Давно?

Можно было распрощаться прямо тут, у калитки, но ему стало интересно посмотреть на городскую легенду вблизи. А если получится, то и изнутри. Сколько раз в детстве он с друзьями пытался в него забраться? Со счета сбиться можно. Но вот все никак не получалось. Слишком крепкие ставни, слишком надежные замки. Да и страшно. Это в далеком детстве страшно, а теперь очень даже интересно.

– С сегодняшнего дня.

– А внутри ты уже была?

Прежде чем ответить, она посмотрела на него долгим, растерянным каким-то взглядом, а потом спросила:

– Может, зайдешь? – спросила и тут же смутилась. – В том смысле, что я бы могла угостить тебя кофе. Тут хороший кофе. Я знаю. Но если ты не хочешь...

– Я хочу. – Ему ведь интересно. И девочка эта синеглазая интересна, и дом этот с историей.

А она вздохнула с облегчением. Боялась, что он откажется? Или просто боялась?

Путь к крыльцу пришлось подсвечивать фонариком. Путь этот казался тернистым из-за непролазных зарослей бурьяна. Зато внутри дом выглядел вполне жилым. По крайней мере, кухня. Дальше кухни Юлька его не пригласила.

– Я тут еще не прибралась. И ремонт, похоже, сделан только на первом этаже. Если тебе нужно помыть руки, то ванная там.

Ему бы хотелось не только помыть руки, а вымыться самому. Смыть с себя это липкое, точно паутина, чувство, которое осело на нем после оврага. Ей, наверное, тоже. Ей даже больше, потому что вся она была перепачкана в крови и грязи.

– Иди первая. Покажи, где кофе, я сам.

– Спасибо, я быстро!

Она и в самом деле управилась быстро. Павел только-только успел снять джезvu с огня. В чистой одежде, с мокрыми волосами Юля казалась взрослее. Взрослее, но не увереннее. Она боялась. Очевидно, она до сих пор боялась, и Павел ее понимал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.